

Журасова Алтынай¹

Есеева Гульнара²

Вопросы национальной идентичности в Казахстане

Аннотаци Статья ставит тезу, что в национализирующемся Казахстане на статус национальной идентичности, кроме казахстанской, претендует также казахская идентичность. В начале статьи будут представлены языковая политика, в том числе роль и влияние русского языка, дилеммы и трудности перехода на латинский алфавит. Во второй, части ответим на вопросы касающиеся религиозной политики. В последней части статьи, рассмотрим символы казахов, которые преимущественно сосредоточены в прошлом. Это – исторические образы ханов и/или деятели партии „Алаш”, исторические события и историческая родина.

Ключевые слова национальная идентичность, религиозная идентичность, символы, ислам, Казахстан, казах, Центральная Азия.

В определении национальной идентичности Казахстана нет однозначного, общего для всех его граждан ответа. Одна часть населения идентифицирует себя „Мы – казахи”, тогда как другая „Мы – казахстанцы”. В связи с этим, исследователи поднимают вопрос о существовании в Казахстане двух национальных идентичностей. Одну из этих идентичностей можно определить как казахскую, поскольку она опирается на определение „мы – казахи”. Другая идентичность может быть определена как казахстанская,

¹ Кандидат исторических наук Западно-Казахстанский университета имени М. Утемисова. Zhurasova Altynai PhD in History. Currently, she is the lecturer of the M. Utemisov West Kazakhstan University. azhurasova@mail.ru.

² Старший преподаватель Западно-Казахстанский университета имени М. Утемисова. Eseeva Gulnara is the lecturer of the M. Utemisov West Kazakhstan University. Eseeva70@mail.ru.

поскольку она исходит из формулы „мы – казахстанцы” (Кадыржанов, 2012).

Исследования идентичности, путей ее формирования и последующего развития, а также проблем ее сохранения и трансформации занимают важное место в исследованиях Центральной Азии. Категория этнической идентичности является основным для определения этнической принадлежности человека. Согласно Михаила Губогло, „идентичность и идентификация, в том числе этническая, требуют постоянного подтверждения со стороны носителя представлений о той группе, с которой он стремится идентифицироваться” (Губогло, 2003, с. 38). Автор отмечает существенное различие этничности от религиозности, которое не ограничивается верой, а основывается на знании, поведении и отношении (Губогло, 2003, с. 38).

Изучение этнического самосознания и идентичности казахов в исторической ретроспективе имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Особенно в отношении явлений и процессов, касающихся например, внутриэтнических и межэтнических конфликтов, стремления казахского народа к воссозданию собственной государственности и этнической мобилизации. На сегодняшний день казахстанская идентичность как идентичность всех граждан Казахстана является по своему формально-правовому статусу национальной идентичностью. Заграницей заполняя таможенные и иные декларации, в пункте о своей национальности мы указываем „Казахстан”, другими словами нашу национальную идентичность (Кадыржанов, 2012).

Статья ставит **тезу**, что в национализирующемся Казахстане на статус национальной идентичности, кроме казахстанской, одновременно претендует также казахская идентичность. В начале статьи будут представлены языковая политика, в том числе роль и влияние русского языка, дилеммы и трудности перехода на латинский алфавит. Во второй, части ответим на вопросы касающиеся религиозной политики. В последней части статьи, рассмотрим символы казахов, которые преимущественно сосредоточены в прошлом. Это – исторические образы ханов и/или деятели партии „Алаш”, исторические события и историческая родина.

Большинство современных наций представляют собой полиглоссические общества, что относится и к Казахстану, в котором проживают представители многих этносов. В таких обществах каждая этническая группа имеет свою систему символов. В рамках полиглоссического сообщества, люди отбирают необходимые элементы из других культур, осознают свою

этнокультурную, локальную идентичность, выступающую ядром самобытности. Усвоение новых форм относится к факторам саморазвития культуры, поэтому этнические, традиционные культуры несвободны от различных заимствований (Smith, 2009). Советская национальная политика стремилась представить союзные республики, как квази национальные государства (Caron, 2019). В связи с чем, ее символы частично отражая их национальную специфику, одновременно должны были быть продолжением основных символов советского общества. Например, флаг и герб Казахской ССР содержали в большей мере советскую символику, чем национальную, повторяя символы советского флага и герба. Таким образом, национальная символика имела второстепенное значение по отношению к основным символам советского общества (Кадыржанов, 2012).

После распада союза независимые государства стали воспринимать СССР как систему, поглотившую самобытные национальные государства и начавшую нивелировать национальное, культурное, языковое разнообразие. Важным фактором развития суверенных государств региона стал ислам, который стал значимым элементом этнической идентичности. Степень воздействия данного фактора имеет разное значение в странах региона. В Казахстане, Киргизии и Туркменистане его влияние незначительно из-за специфики этногенеза, этнogeографического положения и т.д. Другая ситуация в Узбекистане и Таджикистане, где более прочные религиозные традиции (Камынин и д.р., 2017, с. 15). По мнению Косимшо Искандарова государства региона находятся в процессе утверждения идей национальной независимости, национально-исторической самобытности. Каждая из них стремится искать свои корни в глубине веков, чтобы обеспечить устойчивость национальной государственности (Расул, 2018)

Дмитрий Плотников, Нарцисс Шукуралиева в свою очередь отмечают некоторые особенности данного процесса по отдельным странам. В Узбекистане ключевой исторической фигурой, возвышающей место и историческое значение узбекского народа, выбран Тamerлан – военачальник и основатель империи Тимуридов, имеющий большое влияние на ход событий в Азии, Кавказа, Поволжья и Руси в XIV-XV в. В Казахстане подчеркивается роль деятелей культуры и науки: таких как Аль-Фараби и Абай Кунанбаев. Популярность имеют также фильмы, прославляющие степных завоевателей. Для Туркменистана это Огуз хан, образ которого запечатлен на туркменской валюте, его именем названы главная телебашня страны и дворцовый комплекс и т.д. Значимости и древности туркменской

государственности должен был придать образ Тургул-Бека – успешного завоевателя ряда территорий Центральной Азии и Ближнего Востока в XI в. Древность и величие современного Туркменистана должен был подтвердить также апелляция к сельджукской империи. Таджикистан согласно идеологии местной власти является наследником древнего государства Саманидов. Образ эмира династии Саманидов, основателя государства в Средней Азии Исмаила Самани (IX – X вв) изображен на национальной таджикской валюте. В Кыргызстане преимущественно прославляются деятели культуры. Также существует культ эпического богатыря Манаса, именем которого назван аэропорт в Бишкеке, университет, в честь которого воздвигнуты памятники. Высшая награда Кыргызстана именуется орденом „Манас”. Также в символике современного Кыргызстана сильны проявления кочевых традиций народа. (Плотников, 2020, с. 63 – 65; Шукуралиева, 2014; Shukuralieva, 2011; 2018a).

Одним из самых существенных факторов в формировании национальной и этнической дифференциации является язык. Он касается не только духовного бытия общности, но и обеспечивает чувство единства и служит признаком отличия от других. Политика языкового национализма выталкивает русский язык из публичного пространства, подрывая его потенциал для использования Россией для оказания влияния в регионе. Кроме того, имеет место негативное восприятие колониальной и советской политики в Центральной Азии, в контексте которого русский язык воспринимается как язык угнетателей. Это не означает, что государства Центральной Азии пытаются полностью вытеснить русский язык, однако показывает как дискурсы по национальному строительству затрудняют расширения образования на русском языке и ее экспансии в других областях. „Русский язык все еще имеет значительный потенциал для использования в качестве инструмента мягкой силы в Центральной Азии, но этот потенциал неуклонно сокращается”, – отмечает Нурбек Бекмурзаев. Также автор отмечает, что Казахстан является единственным государством в регионе, где численность жителей говорящих на русском языке превышает 50% (Бекмурзаев, 2019).

После обретения независимости в 1991 году республики Центральной Азии повысили статус своих национальных языков, сделав государственными языками казахский, кыргызский, таджикский, туркменский и узбекский язык, соответственно. Последовал за ним занявший много лет, постепенный отказ от кириллицы и ее замена латинским алфавитом.

Узбекистан первым сделал шаг в этом направлении в начале 1990-х гг. В 2001 году ввел латиницу на монетах, а к 2004 году на латинский алфавит перешли некоторые официальные сайты. Главный узбекский телеканал „O'zbekiston telekanali” перешел на латинский алфавит в узбекском языке. По всей стране было заменено большинство вывесок. Предложения по переходу с кириллицы на латиницу обсуждались также в Киргизстане (Алтынбаев, 2019).

Процесс перехода на латиницу в Казахстане припоминает происходящее в Узбекистане, где инициатива исходила от президента. В рамках программы модернизации Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев 12 апреля 2017 года закрепил срок для перехода с кириллицы на латинский алфавит. Согласно установленному плану, Казахстан полностью перейдет на латинский алфавит к 2025 году. В Костанайской области, где проживает преимущественно русскоязычное население, перевод всех вывесок государственных органов и общественных заведений с кириллицы на латинскую графику планировали завершить в 2019 году. На реализацию перехода, на латиницу выделяются немалые деньги. Так, по сообщению руководителя департамента по развитию языков Костанайской области Гульжан Мендекинова местные власти выделили более 19 миллионов тенге (50 000 долларов) на реализацию перехода на латиницу (Алтынбаев, 2019).

О начавшейся реализации смены алфавита, свидетельствуют такие факты, что многие образовательные учреждения обновили свои вывески на латиницу. На открывающихся новых зданиях и других социальных объектах, таких как парки и площади, визуальная информация передается латинским шрифтом. Изменения касаются также других сфер. В начале 2018 года местные телеканалы и газеты начали переходить на латиницу, сообщает ИА „Казинформ”. В стране есть и протестные настроения. Противники латинизации заявляют, что в Казахстане есть более насущные проблемы, которые необходимо решать в первую очередь (Казинформ, 2014).

В Казахстане власти декларируют цель распространения казахского языка на максимально большое число социальных и культурных сфер общества, чтобы он стал основным средством коммуникации в обществе. Несмотря на это, казахский язык и другие казахские символы не заняли господствующего положения. Претензии казахской идентичности на статус национальной идентичности Казахстана происходят в условиях конкуренции идентичностей, а также противостояния казахской и казахстанской

идентичностей по вопросу главных символов Казахстана. Сторонники казахстанской идентичности, состоящие в основном из русских и других некоренных народов Казахстана, не хотят, чтобы русский язык и другие привычные им символы потеряли свою центральную позицию (Кадыржанов, 2012). В этом контексте следует отметить на изменение этнической структуры населения. Согласно данным переписи населения, если в 1999 году казахи составляли 53,48%, русские 29,91%, то в начале 2021 года казахи 69,01%, русские 18,42% (Итоги Национальной переписи населения, 2009; Қазақстанның демографиялық Жылнамалығы, 2021).

Стремление сторонников казахской идентичности чтобы казахский язык и казахские символы заняли господствующее положение в иерархии символов нового Казахстана встречается со сложностями. Можем выделить пассивную и активную форму сопротивления. К пассивному сопротивлению укрепления казахских символов можем отнести эмиграцию – „протест ногами”. Массовый выезд из Казахстана в первой половине 1990-х гг. русских и других некоренных национальностей на их историческую родину. Активное сопротивление является результатом зависимости Казахстана от России в политической, экономической, культурной и других сферах. Уходя своими корнями в колониальное и советское время, сильное влияние России на Казахстан, продолжается в новых условиях русификации казахов. Казахи не только были одним из самых русифицированных народов Советского Союза, но и остаются до сих пор одним из самых русифицированных на постсоветском пространстве.

Российское влияние на Казахстан, а также русификация самих казахов объясняет то, что казахские символы до сих пор не могут занять центрального положения. В следствии казахская идентичность не может стать легитимной, признаваемой всеми частями общества, национальной идентичностью (Shukralieva, 2018c). По мнению Рустем Кадыржанова „руссификация является тем фактором, который формирует сложное и неоднозначное отношение казахов к конкуренции казахстанской и казахской идентичностей за статус национальной идентичности Казахстана. С одной стороны, они хотят, чтобы казахские символы стали доминирующими в новом обществе. С другой стороны, многие казахи не хотят, чтобы ставшие привычными символы русской культуры и советского времени ушли бы на периферию казахстанского общества” (Кадыржанов, 2012). Однако не стоит рассматривать противостояние казахстанской и казахской идентичности как противостояние некоренных национальностей с казахами.

Это было бы сильным упрощением, более многогранной социальной и культурной реальности современного Казахстана (Кадыржанов, 2012).

Во первых, русифицированные казахи нередко находятся ближе к ценностным ориентациям русской культуры, чем к казахской. В этой связи следует отметить, что казахская и казахстанская идентичности не являются чем-то однородным, статичным и не поддающимся влиянию других идентичностей. Таким образом, две идентичности Казахстана „казахстанская” и „казахская” конкурируют за статус национальной идентичности государства. Будучи результатом процесса обретения независимости, каждая из них пытается претендовать на утверждение своего исключительного права представлять Казахстан как национальное государство. Речь идет о попытках и претензиях каждой из „казахстанской” и „казахской” идентичностей определять будущее развитие Казахстана.

Выступающие от имени „казахской” идентичности являются более активными и инициативными. Этническая мобилизации конца 1980 – начала 1990-х гг. способствовало превращению советской казахской этнокультурной идентичности в постсоветскую этнонациональную идентичность. Эти изменения позволили казахам совершить переход с полупериферийного положения в республике и заявить о своих претензиях на центральное положение в республике.

Упадок советской системы требовало уточнения религиозной политики в каждой республике. В процессе реорганизации общества в политической, экономической и социальной сфере ислам стал выступать важным фактором национального возрождения. Он также становится элементом политической борьбы что особенно сильно проявлялось в первые годы независимости. В ряде государств центральноазиатского региона появляются исламские партии. Вскоре однако они были запрещены, так как противоречили светским идеологическим установкам правящих постсоветских элит. В Узбекистане и Таджикистане ислам укоренился сравнительно сильнее в быту и сознании населения. В результате исламистские движения, имея общественную поддержку, стремились влиять на политические процессы с целью трансформации политico-правовой сферы. Политизация религиозных движений и сплочение масс вокруг теологов воспринимались местными властями в качестве ключевого вызова, угрожающего политической элите. Поэтому они реагировали репрессией в отношении сторонников ислама. В Узбекистане представители исламистских движений были подавлены, загнаны в подполье или вынуждены эмигрировать.

В Таджикистане система власти оказалась слабее и религиозные противники были подавлены благодаря внешней помощи (Shukuralieva, Lipiński 2021; Shukralieva, 2018b). Казахстан, в сравнении с Узбекистаном и Таджикистаном, представляет собой принципиально иной случай. Здесь исламские ценности не стали серьезным элементом политической конкуренции, в связи со светскими устоями казахстанского общества и этнополитической фрагментированностью населения (Плотников, 2020, с. 53).

В контексте политических репрессий в отношении ислама Катрин Пужоль приводит два фактора способствующие народному исламу стать реальным ориентиром идентичности, формированию пространства упрощенной веры, которая ограничиваясь ритуальной частью, игнорирует теологическую составляющую. Во первых, это периоды монгольского нашествия, Российской империи и советского государства, которые определили суфийский ислам на роль охранной колыбели религии. Во вторых, это использование нелегальных братств как сети из децентрализованных ячеек, составляющих оппозицию правительству (Пужоль, 2017; Poujol, 2005).

В Казахстане, как и в других республиках региона, за годы независимости произошел количественный и качественный рост религиозных учреждений. Согласно данным 2014 г. было зарегистрировано 3434 религиозных субъектов, 18 конфессий, 3304 культовых сооружений, в числе которых 2366 мечети, 299 православные церкви, 96 католический костел, 5 синагог и свыше 600 протестантских молитвенных домов и церкви. Вышеуказанное разнообразие и деятельность конфессий рассматривается властями как создающая „возможность сохранения и укрепления внутриполитической стабильности, гражданского мира и духовного согласия нашего общества” (Казинформ, 2014). Но тем менее, можно выделить два противоречивых тенденций. Во первых, установление нового уровня межрелигиозного сотрудничества в решении глобальных, региональных и локальных проблем, стоящих перед обществом. Во вторых, обострившиеся в начале 21 века политические, экономические и социальные противоречия и конфликты, в которых все чаще используются религиозные лозунги противостояния и становятся питательной почвой для роста экстремизма и терроризма (Казинформ, 2014).

В Казахстане государственная религиозная политика взвешенная и направлена на сохранение баланса. Можем выделить три ее основных принципа, это принципы нейтралитета, толерантности и паритета. Ключевое место занимает принцип мировоззренческого нейтралитета государства, охватывающее невмешательство во внутренние дела религиозных

объединений. Согласно Закону Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV „О религиозной деятельности и религиозных объединениях”, государство отделено от религии и религиозных объединений, а также сохраняет свой нейтралитет. Принцип толерантности подразумевает не только терпимость, но и уважение религиозных убеждений, отличных от убеждения других. Деполитизация межконфессиональных отношений содействовало укреплению стабильности в стране. Периодически организованные съезды лидеров мировых и традиционных религий, демонстрируют принципы внешнеполитического курса страны и служат свидетельством казахстанской модели межконфессионального согласия и диалога.

Следует отметить повышение влияние ислама на социальное развитие Казахстана. Наблюдается также активность салафитов, коранитов, идеология которых отличается от менталитета и традиций казахского народа. Однако в целом ислам не является одной из доминант общественной жизни. Сегодня Духовное управление мусульман стоят перед задачей воспрепятствовать потенциальным конфликтам в среде верующих – мусульман, расколу верующих по национальному признаку, следствием чего и могут стать радикализм, религиозная нетерпимость, межконфессиональная рознь.

Спецификой современного казахстанского ислама является ее возраст. Абсолютное большинство среди прихожан мечети составляют молодежь и люди среднего поколения. В исламе они ищут ответы на вопросы, касающиеся устройства личной жизни, бизнеса, отношений к последователям других религий и национальностей. В то же время они пытаются в исламе найти идеи, которые позволили бы им отвечать вызовам современности, оставаясь в рамках своей религии (Казинформ, 2014). Обобщая религия для большинства населения еще не является определяющим фактором в общественно-политической жизни. В общественном дискурсе сохраняются утверждения о чуждости казахом политизации ислама, противостояние светской власти и религиозной элиты, нетерпимость к иноверцам, религиозный фанатизм или ценности теократического государства.

Одним из важных методов определения структуры общества является дихотомия „центр – периферия”. Центр общества состоит из тех социальных групп, которые определяют основные символы общества. Под символами общества, нации, этноса, класса и любой другой социальной группы подразумеваются идеальные и материальные предметы, личности, исторические события, выражающие и представляющие социальную группу. Символами казахов являются кочевой образ жизни и все связанные с ним

материальные предметы, как например, казахская порода лошадей, юрта и ее конструктивные части, зимние и летние места кочевок.

Важными символами являются элементы духовно-культурного достояния как язык, литература, музыка и искусство. Символы казахского народа берут свое начало из прошлого. Это – исторические образы ханов Кирея и Джанибека, Абылай хана, Абая, Чокана Валиханова, Курмангазы, Ахмета Байтурсынова и других деятелей партии „Алаш” – это только часть тех кто относятся к главным символам казахского народа. Это – исторические события, как война казахов с джунгарами, присоединение Казахстана к России, народное восстание 1916 г. под предводительством Амангельды Иманова, коммунистическая кампания „Малый Октябрь” и связанный с ней голод и массовая гибель казахов в начале 1930-х гг. и ряд других событий являются важнейшими для казахов национальными символами. Компонентом национализма кроме народа и наличия собственного государства является также земля – историческая родина с ее степным ландшафтом и такими местностями, как например, Сары Арка, Алтай, Алатау, Арал, Каспий (Кадыржанов, 2012; Anderson, 1997; Gellner, 1991).

Важный тренд этнической идентичности казахов связан с процессами возрождения национальной истории, где важным концептом выступает переосмысление „белых пятен” в истории казахского народа и восстановление начала казахской государственности. В Казахстане 2015 год был официально объявлен годом празднования 550-летия образования Казахского ханства, когда ханы Жанибек и Керей в XV веке создали первое государство казахов. Подобные процессы наблюдаем также в других республиках Центральной Азии (Shukralieva, 2012; 2015).

Переосмысление прошлого казахского народа способствовало возрождению имен многих исторических личностей из категории ханов, биев, жырау, батыров, сыгравшие роль в отстаивании целостности, нерушимости казахских земель и развития Казахского ханства. По словам Индиры Акылбаевы традиции иерархической политической системы Казахского ханства, как институт старших ханов „кулл ханларның ағласы қылыб”, отражены в этнической идентичности. Согласно этой традиции старшими ханами становились личности имеющие опыт управления государством, авторитет и уважение среди народа (Flood, 2002; Shukralieva, Lipiński 2017). Времена правления Касым хана, Хакк-Назар хана, Есим хана, Жангир хана, Тауке хана, Абылай хана характеризуются развитием этнической идентичности, расширения границ Казахского ханства, создания

и внедрения норм обычного права „Қасым-ханның қасқа жолы”, „Жеті жарғы”, а также ростом экономического и политического влияния в Среднеазиатском оазисе, установление дипломатических связей с Русским государством и странами Европы (Акылбаева, 2016).

Проявление этнической идентичности Акылбаева видит также в институте бийства, которую называет связующим звеном между правителями и народом. Примером институт бийства является деятельность Толеби, Казыбек би и Айтеке би. В прошлом бии были главной опорой ханов и султанов. Будучи носителями народных традиций они сохраняли в народной памяти свою позицию со времени демократии родового общества. Основной функцией биеv было использование, сохранение и передача знаний всех норм обычного права, умение их толковать, обладать ораторскими способностями и пользоваться авторитетом среди сородичей. Д'Андре замечает, что „не следует смешивать биеv – судей, биеv – военачальников, а также биеv – богачей. Настоящим бием является только бий – судья, признанный таковым населением в силу наличия у него познаний и особых душевных качеств” (Акылбаева, 2016).

Проблема идентичности в настоящее время стала одним из актуальных вопросов обсуждения, как в науке, так и повседневной жизни. На сегодняшний день подвергнуты изменению практически все компоненты моральной ответственности человека, включая и идентификацию, ослабили показатели ответственности человека перед властью, страной,нацией, культурой. Пытаясь определить свою национальную идентичность, современный человек находит на него ответ, исходя из своего отношения к политическим и культурным институтам и символам общества, в котором он живет. К таким институтам и символам, как известно, относятся государство, гражданство, законодательство, территориальное устройство, язык, религия, история, культура и др.

Государственная политика идентичности направлена на сохранение гражданского мира, уважения и веротерпимости разных национальностей и вероисповеданий. Она ссылается на специфику государства, которая была и является перекрестком Востока и Запада, местом встречи и диалога различных религий, культур и цивилизаций. Следует отметить, что проведенные общественным фондом „ЦСПИ Стратегия” в 2009 и 2014 годах социологические исследования в Казахстане выявили доминирование позитивного восприятия взаимоотношений между представителями разных этносов. На вопрос: „Какие взаимоотношения преобладают между людьми

разных национальностей в вашей местности, населенном пункте?” ответ „спокойные и дружелюбные” в 2009 году выбрали 68,7% респондентов, то уже в 2014 году – 74,5% респондентов (Королев, 2014). Вместе с тем, современный Казахстан находится в поиске своей уникальности и не-повторимости. В ее рамках идентичности конкурируют между собой на занятие ключевой доминирующей позиции в Казахстане. С одной стороны, это инклюзивная „казахстанская” идентичность, которая объединяет всех коренных и некоренных граждан Казахстана. С другой стороны, это эксклюзивная „казахская” идентичность. Ее элементы, это казахский язык, история и обращение к кочевой культуре. В государственных символах республики часто используется образ юрты, скачущего в степи всадника и/или парящего над степью орла. Кочевая подвижность вписываться с объявленной „многовекторной” внешнеполитической позицией.

В статье была проанализирована проблематика национальной идентичности в Казахстане. Во первых, авторы представили языковую политику, в том числе роль и влияние русского языка, дилеммы и трудности перехода на латинский алфавит. Во вторых, описали вопросы религиозной политики. Не смотря на повышение роли ислама она так и не является одной из доминант общественной жизни. В третьих, в статье представлены символы казахов. Преимущественно они сосредоточены в прошлом. Это – исторические образы ханов и/или деятели партии „Алаш”, исторические события и историческая родина.

Библиография

- Акылбаева, И.М. (2016). Тренды этнической идентичности в истории казахского народа. *Вестник КазНПУ*. Pobrano z lokalizacji: <https://articlekz.com/article/18264>.
- Алтынбаев, К. (2019). Государства Центральной Азии начали переходить на латиницу. Pobrano z lokalizacji: https://central.asianews.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/01/29/feature-01.
- Бекмурзаев, Н. (2019). Положение русского языка в странах Центральной Азии. Pobrano z lokalizacji: <https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii/>.
- Губогло, М.Н. (2003). Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. Москва.
- Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV „О религиозной деятельности и религиозных объединениях”.
- Кадыржанов, Р. (2012). Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм. Pobrano z lokalizacji: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/266>.

- Казинформ (2014). Национальная идентичность в современном Казахстане. Pobrano z lokalizacji: https://www.inform.kz/ru/nacional-naya-identichnost-v-sovremennom-kazahstane_a2663769.
- Камынин, В.Д., Лазарева, Е.В., Лапенко, М.В., Лымзин, А.В. (2017). *Центральная Азия на рубеже ХХ–XXI веков: политика, экономика, безопасность*. Екатеринбург.
- Королев, А. (2014). Индикатор этнического самочувствия. Pobrano z lokalizacji: <https://nomad.su/?a=3-201410060020>.
- Плотников, Д.С. (2020). Центральная Азия в контексте мировой политики. Пермь, 2020.
- Пужоль, К. (2017). Ислам в Центральной Азии: от долгой изоляции к повышенному вниманию. Pobrano z lokalizacji: <https://www.caa-network.org/archives/10950>.
- Расул, А. (2018). Центральная Азия – проблемы и решения. Часть вторая. Pobrano z lokalizacji: <https://exk.kz/news/61542/tsentralnaia-aziia-nil-probliemy-i-rieshieniia-chast-vtoraia>.
- Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Астана 2010.
- Қазақстанның демографиялық Жылнамалығы, Нұр-Сұлтан 2021.
- Шукуралиева, Н. (2014). Национальные мифы и политическая практика в странах Центральной Азии. *Studia Politologiczne*, 33, 298–312.
- Anderson, B. (1997). *Wspólnoty wyobrażone: rozważania o źródłach i rozprzestrzenianiu się nacjonalizmu*. Przekł. Stefan Amsterdamski. Kraków: Znak.
- Caron, J.F. (ed.) (2019). *Kazakhstan and the Soviet Legacy. Between Continuity and Rupture*. Palgrave.
- Flood, C. (2002). *Political Myth: A Theoretical Introduction*. New York–London: Routledge.
- Gellner, E. (1991). *Narody i nacjonalizm*. Przeł. Teresa Hołówka. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Poujol, C. (2005). Islam in post-Soviet Central Asia: Democracy versus Justice? In: I. Morozova, *Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia*. NATO Science Series, V: Science and Technology Policy.
- Shukuralieva, N. (2011). Narodowe w formie, autorytarne w treści. Budowanie państwa w Azji Centralnej. *Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa*, 39, 71–81.
- Shukralieva, N. (2012). The Family in Power: A New Past for an Old Country. *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*, 7, 13, 30–56.
- Shukralieva, N. (2015). Official Memory and Legitimization in Kyrgyzstan. The Revolutionary Past in the Public Statements of President Kurmanbek Bakiyev after 2005. In: B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand, E. Narvesius (eds.), *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central Europe*, (pp. 131–148), Centre For European Studies at Lund University, Lund.
- Shukralieva, N. (2018a). (red.). *Azja Centralna: tożsamość, naród, polityka*. Kraków: Wydawnictwo Nomos.
- Shukralieva, N. (2018b). Sekurytyzacja islamu w Azji Centralnej. *Studia Orientalne*, 2, 33–54.
- Shukralieva, N. (2018c). Bezpieczeństwo regionalne – integracja obronna państw Azji Centralnej. *Sprawy Międzynarodowe*, 4, 179–194. DOI: 10.35757/SM.2018.71.4.10.

- Shukuralieva, N., Lipiński, A. (2017). Uwarunkowania legitymizacji władzy w systemach autorytarnych. *Casus państwa Azji Centralnej. Przegląd Politologiczny*, 1, 189–202. DOI: 10.14746/pp.2017.22.1.13.
- Shukralieva, N., Lipiński, A. (2021). Islamic Extremism and Terrorism in Central Asia: a Critical Analysis. *Central Asia and the Caucasus*, 22, 1, 106–117. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.10.
- Smith, A. (2009). *Kulturowe podstawy narodów*. Przeł. Wojciech Usakiewicz. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Bibliography

- Akylbaeva, I.M. (2016). Trendy etnicheskoy identichnosti v istorii kazahskogo naroda. *Vestnik KazNPU*. Pobrano z lokalizacji: <https://articlekz.com/article/18264>.
- Altynbaev, K. (2019). *Gosudarstva Central'noj Azii nachali perekhodit' na latinicu*. Pobrano z lokalizacji: https://central.asianews.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/01/29/feature-01.
- Anderson, B. (1997). *Wspólnoty wyobrażone: rozważania o źródłach i rozprzestrzenianiu się nacjonalizmu*. Translated by Stefan Amsterdamski. Kraków: Znak.
- Bekmurzaev, N. (2019). *Polozhenie russkogo jazyka v stranah Central'noj Azii*. Pobrano z lokalizacji: <https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-jazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii/>.
- Caron, J.F. (ed.) (2019). *Kazakhstan and the Soviet Legacy. Between Continuity and Rupture*. Palgrave.
- Flood, C. (2002). *Political Myth: A Theoretical Introduction*. New York–London: Routledge.
- Gellner, E. (1991). *Narody i nacjonalizm*. Translated by Teresa Hołówka. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Guboglo, M.N. (2003). *Identifikaciya identichnosti: Etnosociologicheskie ocherki*. Moskva.
- Itogi Natsionalnoy perepisi naseleniya 2009 goda v Respublike Kazahstan. Astana 2010.
- Kadyrzhanov, R. (2012). *Nacional'naya identichnost' Kazahstana i etnokul'turnyj simvolizm*. Pobrano z lokalizacji: <http://mysl.kazgazeta.kz/news/266>.
- Kamynin, V.D., Lazareva, E.V., Lapenko, M.V., Lyamzin, A.V. (2017). *Central'naya Aziya na rubezhe XX–XXI vekov: politika, ekonomika, bezopasnost'*. Ekaterinburg: Ural Universitet.
- Kazinform (2014). *Nacional'naya identichnost' v sovremenном Kazahstane*. Pobrano z lokalizacji: https://www.inform.kz/ru/nacional-naya-identichnost-v-sovremennom-kazahstane_a2663769.
- Korolev, A. (2014). *Indikator etnicheskogo samochuvstviya*. Pobrano z lokalizacji: <https://nomad.su/?a=3-201410060020>.
- Plotnikov, D.S. (2020). *Central'naya Aziya v kontekste mirovoj politiki*. Perm', 2020.
- Poujol, C. (2005). Islam in post-Soviet Central Asia: Democracy versus Justice? In: I. Morozova, *Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia*. NATO Science Series, V: Science and Technology Policy.
- Poujol, C. (2017). *Islam v Central'noj Azii: ot dolgoj izolyacii k povyshennomu vnimaniyu*. Pobrano z lokalizacji: <https://www.caa-network.org/archives/10950>.
- Qazaqstannıň demografiyalıq Jılnamalığı, Nur-Sultan 2021.

- Rasul, A. (2018). Central'naya Aziya – problemy i resheniya. CHast' vtoraya. Pobrano z lokalizacij: <https://exk.kz/news/61542/tsentralnaia-aziia-nil-problemy-i-rieshieniia-chast-vtoraja>.
- Shukralieva, N. (2011). Narodowe w formie, autorytarne w treści. Budowanie państwa w Azji Centralnej. *Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa*, 39, 71–81.
- Shukralieva, N. (2012). The Family in Power: A New Past for an Old Country. *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*, 7, 13, 30–56.
- Shukralieva, N. (2014). Nacional'nye mify i politicheskaya praktika v stranah Central'noj Azii. *Studia Politologiczne*, 33, 298–312.
- Shukralieva, N. (2015). Official Memory and Legitimization in Kyrgyzstan. The Revolutionary Past in the Public Statements of President Kurmanbek Bakiyev after 2005. In: B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand, E. Narvesius (eds.), *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central Europe* (pp. 131–148). Centre For European Studies at Lund University, Lund.
- Shukralieva, N. (red.) (2018a). *Azja Centralna: tożsamość, naród, polityka*. Kraków: Wydawnictwo Nomos.
- Shukralieva, N. (2018b). Sekurytyzacja islamu w Azji Centralnej. *Studia Orientalne*, 2, 33–54.
- Shukralieva, N. (2018c). Bezpieczeństwo regionalne – integracja obronna państw Azji Centralnej. *Sprawy Międzynarodowe*, 4, 179–194. DOI: 10.35757/SM.2018.71.4.10
- Shukralieva, N., Lipiński, A. (2017). Uwarunkowania legitymizacji władzy w systemach autorytarnych. Casus państw Azji Centralnej. *Przegląd Politologiczny*, 1, 189–202. DOI: 10.14746/pp.2017.22.1.13
- Shukralieva, N., Lipiński, A. (2021). Islamic Extremism and Terrorism in Central Asia: a Critical Analysis. *Central Asia and the Caucasus*, 22, 1, 106–117. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.10
- Smith, A. (2009). *Kulturowe podstawy narodów*. Translated by Wojciech Usakiewicz. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Zakon Respubliki Kazahstan ot 11 oktyabrya 2011 goda № 483-IV „O religioznoj deyatel'nosti i religioznyh obedineniyah”.

Problems of national identity in Kazakhstan

SUMMARY The article raises the thesis that in nationalising Kazakhstan, in addition to the Kazakhstani identity, the Kazakhstani identity is also claimed to be a national identity. At the beginning of the article the language policy, including the role and influence of the Russian language, and the dilemmas and difficulties of the transition to the Latin alphabet will be presented. In the second part, we will answer questions concerning religious policy. In the last part of the article we will analyze the Kazakh symbols, which are mainly focused on the past. These are historical images of Khans and/or figures of „Alash” party, historical events and historical homeland.

KEYWORDS national identity, religious identity, symbols, Islam, Kazakhstan, Kazakhs, Central Asia.